либо по любому текущему вопросу послѣ бѣглой справки съ Энциклопедическимъ Словаремъ, такъ и Толстой торопится писать безъ внимательной работы надъ даннымъ предметомъ; онъ не даетъ себѣ труда припомнить, что раньше сказалъ о томъ же и чѣмъ оправдывается перемѣна его воззрѣнія, если мнѣніе, пущенное нѣкогда въ оборотъ, рѣзко отличается отъ его нынѣшнихъ взглядовъ.

Поспѣшностью работы объясняется и склонность Толстого дѣлать выводы о всемъ культурномъ мірѣ на основаніи фактовъ, которые относятся только къ русской жизни. Когда онъ говоритъ о низкомъ уровнѣ матеріальнаго обезпеченія деревни, то строитъ свои выводы на данныхъ исключительно русскаго быта: на Западѣ матеріальное положеніе деревни стоитъ значительно выше, а въ Америкѣ и Австраліи—гораздо выше. Когда онъ бичуетъ современное государство и разсуждаетъ о безправіи населенія, то даетъ характеристику, примѣнимую, прежде всего, къ Россіи: въ приложеніи къ культурнымъ странамъ Запада эти выводы требуютъ крупныхъ оговорокъ, а для Америки, Австраліи, даже Англіи—очень большихъ. Эта особенность лишаетъ многія положенія Толстого общей пригодности и обезцѣниваетъ его критику современнаго общественнаго строя.

Въ исторіи литературы немало примѣровъ большой плодовитости. Она лишь въ томъ случаѣ не умаляетъ достоинства произведеній, если писатель отличается богатствомъ и разнообразіемъ мыслей. Таковъ, напримѣръ, Гёте. Онъ писалъ очень много. Но созданное имъ не производитъ впечатлѣнія журнальной работы: перечитывая произведенія Гёте, испытываешь чувство человѣка, который гуляетъ по прекрасному саду, гдѣ ему со всѣхъ сторонъ киваютъ пышные, яркіе, благоухающіе цвѣты. Не таковъ Толстой, какъ мыслитель. Онъ высказалъ по многимъ вопросамъ частной и общественной жизни то, что извѣстно литературѣ уже давно [100]); иногда онъ облекъ это въ яркія формы, но, большею частью, лишь напомнилъ о томъ, что знакомо, напомнилъ съ безчисленными длиннотами и повтореніями. Ему лично принадлежатъ немногія мысли; нерѣдко онѣ отличаются очень сомнительными достоинствами.

Непріятно дѣйствуетъ на читателя стремленіе Толстого быть эксцентричнымъ, его неудержимая склонность къ парадоксамъ. Если, послѣ многовѣковыхъ размышленій, принято называть извѣстную вещь бѣлой, то Толстой непремѣнно называетъ ее